

© 1997 г. Т.И. ВЕНДИНА

К ПРОБЛЕМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО И МАРГИНАЛЬНОГО АРЕАЛОВ СЛАВИИ

Настоящая статья написана в развитие идей Н.И. Толстого, высказанных им около 20 лет назад сначала на симпозиуме по ареальной лингвистике (Ленинград, 1975 г.), а затем в статье "О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии" [Толстой 1977: 37]. Поставив в своем выступлении вопрос, является ли у славян, как у романцев, центр сферой инноваций, а периферия – областью архаики, Никита Ильич со свойственной ему фундаментальностью в исследованиях обратился к изучению этой глобальной по своему масштабу проблемы. Центрально-периферийная противопоставленность его интересовала прежде всего в пространственно-топологическом плане (с целью обнаружения территориально противопоставленных элементов), а также в плане соотношения центра и периферии с точки зрения локализации архаизмов и инноваций и решения диахронических и этногенетических проблем. Привлекая факты исторической фонетики (и прежде всего случаи непоследовательности процессов палатализации заднеязычных согласных), а также данные лексикологии, Н.И. Толстой приходит к выводу, что архаизмы часто не окраинны, а классическая чистая картина размежевания центрального и бокового ареалов – относительно позднего происхождения. В некоторых случаях архаические особенности сохраняет и середина центра, его эпицентр, и тем самым перекликается с латеральными зонами. В связи с этим, заключает он, центрально-периферийная противопоставленность в общеславянском плане едва ли может оправдать себя при решении кардинальных диахронических и этногенетических проблем и, видимо, правильнее для тех же целей оперировать условными понятиями архаических и неархаических зон. Отмечая, что современные факты, относящиеся к явлениям славянской языковой архаики, еще недостаточно упорядочены (и потому не позволяют со всей определенностью сделать четкие выводы), Никита Ильич осторожно намечает контуры этих "островов архаики": Словения, чакавское приморье (север Адриатики и прилегающих к нему областей), Черногория, южная Македония, Родопы, Кашубы, Карпаты (западно- и восточнославянские), Полесье (украинское, белорусское и частично русское), русский Север.

Публикация первых томов Общеславянского лингвистического атласа, в котором картографируемые явления предстают в своей системной взаимообусловленности (поскольку материал каждого тома составляют не отдельные произвольно или случайно выбранные лексемы, а словоформы, отобранные в соответствии с целевой сравнительно-исторической установкой Атласа, что позволяет проследить судьбу праславянского феномена во всех релевантных для него и каждой частной диалектной системы позициях) дает возможность соотнести эти наблюдения Н.И. Толстого с новыми данными по исторической фонетике и лексикологии.

Так, если обратиться к первому фонетическому тому Атласа "Рефлексы *ě" [ОЛА₁ 1988], то нетрудно убедиться, что помимо чрезвычайно ценного материала о континуации этой праславянской фонемы в современных славянских диалектах, на картах Атласа содержатся сведения о тех "островных" зонах архаики, где *ě до сих

пор сохраняет свою фонологическую индивидуальность. Эта информация в своем концентрированном виде особенно четко выражена на обобщающих картах Атласа. Являя собой результат кропотливого, тщательного сравнительно-исторического и лингвогеографического анализа, эти интерпретационные карты упорядочивают огромный материал целого тома Атласа, поскольку факты, отражающие результаты более поздних изменений, на них элиминируются и "искомая" информация предстает как бы в "чистом" виде. Системно-типологическое восприятие материала карты "Фонологический статус рефлексов *ѣ/*ѣ:" (авторы Б. Видоески, З. Тополинська) позволяет выделить следующие зоны архаики, в которых фонологическая индивидуальность *ѣ сохраняется п о л н о с т ь ю:

1) широкая полоса юго-западных белорусских диалектов, причем не только восточно-полесских, но и центральных (пп. 346, 353–356, 363–366, 375, 376, 384–386, 389–391, 394, 395, 399), частично среднебелорусских (пп. 367, 396, 397, 400) и северо-восточных (пп. 368, 369);

2) среднеполесские (пп. 410, 411, 417, 418, 423–426, 435–437) и восточно-полесские (пп. 438–441, 445–447) украинские диалекты;

3) отдельные пункты в словенских паннонских (п. 20) и прекмурских (п. 149) диалектах;

4) отдельные пункты в кайкавских (п. 27) и штокавских славонских (п.п. 52, 151), шумадийских (п. 62) и смедеревских (п. 168) диалектах;

5) отдельные пункты в македонских эгейских юго-западных (п. 106) и юго-восточных (п. 112) говорах¹.

Попутно отметим, что в словенских и сербскохорватских диалектах сохранение фонологической индивидуальности *ѣ во многом определялось его долготой, в связи с чем ареал, в котором фонологическая индивидуальность долгого "ять" сохраняется абсолютно, в словенских диалектах несколько расширится: это приморские говоры (пп. 2, 4, 11, 12), ровтарские (п. 6), костельские (п. 13), доленские (пп. 14, 16) и прекмурские (п. 21).

Границы этих зон "архаики" значительно раздвинутся, если принять во внимание говоры, в которых фонологическая индивидуальность *ѣ сохраняется не полностью, а ч а с т и ч н о:

1) это прежде всего обширная территория украинских диалектов, в которых неполное сохранение фонологической индивидуальности "ять" связано с тем, что часть материала *ѣ в закрытом слоге совпала с другими фонемами (в частности, с *е и *о);

2) часть белорусских – западнополесских (пп. 362, 372, 374, 382, в которых наблюдается та же ситуация, что и в украинских диалектах), юго-западных (гродненских) – пп. 336, 343–345 и отдельные пункты в северо-восточных диалектах (пп. 370, 379), в которых часть материала *ѣ совпала с *е;

3) обширный ареал в севернорусских говорах – архангельских (пп. 531, 537, 540, 546, 553, 569, 576, 578, 598), онежских и ладого-тихвинских (пп. 550, 563, 567, 568), вологодских (590, 592, 597, 603, 611, 617, 618, 619, 621, 623, 626, 639, 643–648, 668), костромских (665, 667, 689, 691, 707, 709), небольшие островки в среднерусских говорах – новгородских (пп. 609, 610, 635–637) и владими́ро-поволжских говорах (пп. 716, 727) и южнорусских говорах – западных (п. 762), тульских (пп. 789, 792) и восточных (пп. 828, 839), в которых часть материала *ѣ совпала либо с *і и частью материала *е (севернорусские говоры – пп. 567–569, 576, 578, 590, 592, 603, 621, 626, 639, 644–646), либо только с *е (все остальные указанные пункты);

4) серболужицкие диалекты, в которых часть материала *ѣ совпала с *е (пп. 235–237), либо с частью материала *е (п. 234);

¹ Мы оставляем без внимания вопрос о фонетической реализации фонемы *ѣ во всех перечисленных пунктах, поскольку в каждом из них имеются свои особенности. Обобщенные сведения о континуации фонемы *ѣ содержатся на другой интерпретационной карте Атласа "Фонетические рефлексy *ѣ в позиции максимальной дифференциации" (авторы А. Басара, Г. Здуњска, З. Тополинська) [ОЛА, 1988].

5) отдельные словенские прекурские (п. 21) диалекты, в которых часть материала **ě* совпала с **i*;

6) значительный ареал в штокавских восточногерцеговинских и зетских говорах (пп. 36, 38, 49–51, 65–68, 71, 72, 74–78), в которых часть материала долгого **ě*: совпала в полифонемном рефлексе *ie* (п. 36) или *ije*.

Такая дистрибуция фонетических архаизмов далека от традиционного представления об их окраинной локализации: абсолютное сохранение фонологической индивидуальности **ě* наблюдается скорее в центре современной Славии, нежели на ее окраинах. В латеральных зонах (как хорошо видно на картах) прослеживается, как правило, разрушение этой архаической черты (ср., например, частичное сохранение фонологической индивидуальности **ě* в севернорусских или серболужицких говорах, которые на общеславянском ландшафте, действительно, являются окраинными) или ее полная утрата (ср., например, ситуацию во многих маргинальных русских, белорусских, польских, чешских или македонских говорах).

Сходную в лингвогеографическом отношении картину дают и лексические архаизмы, зафиксированные на картах 1 лексико-словообразовательного тома "Животный мир" [ОЛА₂ 1988]. Нам уже приходилось писать о том, что карты этого тома наглядно показали, что несмотря на праславянский характер происхождения лексики, выбранной для картографирования в этом томе, общеславянских (с точки зрения распространения) корней, словообразовательных формантов и тем более лексем сохранилось сравнительно немного. На картах Атласа отчетливо прослеживается тенденция к сужению ареалов праславянских лексем за счет широкого распространения регионализмов (см. [Вендина 1996]). Это обстоятельство, несомненно, повышает ценность таких лексем в качестве диагностических при определении зон лексической архаики. Из 48 карт тома при известной натяжке (когда повсеместное отсутствие лексемы вызвано влиянием соседних языков или диалектов) можно выделить только 8 карт, репрезентирующих общеславянское распространение праславянских лексем: карта № 5 'медведь-самец' (*med-ъv-ěd-ъ*), № 6 'самка медведя' (*med-ъv-ěd-ic-a*), № 9 'ласка' (*las-ic-a*), № 10 'ёж' (*//ež-ъ*), № 12 'крот' (*krъt-ъ*), № 20 'дятел' (*dęt-el-ъ, děj t-ъl-ъ*), № 32 'жаба' (*žab-a*), № 46 'гусеница' (*//qs-en-ic-a*).

Как показал ареалогический анализ, в восточнославянских языках наивысшая концентрация архаизмов отмечена в белорусских диалектах (особенно в юго-западных говорах: пп. 336, 337, 345, 353–355, 364, 366, 375, 378, 381, 384–386, 389–391, 394: из 8 лексем ограниченное распространение имеют только две – *//ež-ъ* и *//qs-en-ic-a*). Несколько ниже она в украинских и русских диалектах: в украинских диалектах отмеченные архаизмы локализуются главным образом в полесских говорах (пп. 401, 402, 404, 408, 411, 417, 418, 424, 437, 439, 443: из 8 лексем встречаются, как правило, 6, реже 7, ограничения в территориальном распространении имеют лексемы *med-ъv-ěd-ic-a* и *//qs-en-ic-a*), а в русских – в севернорусских (причем преимущественно в костромских пп. 667, 670, 671, 684–691, 702–704, 709 и вологодских пп. 617, 618, 620, 627, 638, 639, 641, 646, 668), а также в среднерусских (причем, что особенно интересно, в основном в калининских, селигеро-торжковских пп. 660, 661, 678–682, 695, 697–699, 701, 714–716, 726 и новгородских пп. 582, 608, 609, 610, 636 говорах): из 8 лексем здесь, как правило, встречаются 7 (а иногда даже 8 – пп. 609, 618), ограничения в территориальном распространении имеет лексема *dęt-el-ъ, děj t-ъl-ъ*.

В западнославянских диалектах наивысшая концентрация архаических лексем отмечена в словацких говорах, причем распространены они довольно равномерно, так как достаточно плотно локализуются в западнословацких (пп. 154, 209, 210, 213, 215, 221), в средне- (пп. 216, 217, 219, 220, 222) и восточнословацких говорах (пп. 156, 226, 227, 228, 230, а также п. 233, для которого характерна украинская диалектная система): из 8 лексем здесь, как правило, встречаются 6 (ареальные ограничения касаются лексемы *žab-a*, в западнословацких диалектах – лексемы *krъt-ъ*, а в средне-

и восточнословацких – лексемы *dęt-el-ъ*, *dět-yl-ъ*). В остальных западнославянских диалектах архаические лексемы имеют небольшие островные и даже точечные ареалы: в чешских диалектах это "островок" ляхских говоров (пп. 197, 207, из которых п. 207 являет собой польскую диалектную систему: здесь из 8 лексем отмечены 7, ограничения касаются лексемы *las-ic-a*, а в 197 п. и лексемы // *ež-ъ*) и ганацких (среднеморавских) п. 195: из 8 лексем ареальные ограничения имеют также лексемы *las-ic-a* и // *ež-ъ*); в польских диалектах – это небольшие островные ареалы в мазовецких говорах (пп. 251, 253, 286, 287, в которых из 8 лексем фиксируется, как правило, 7, ограничения в распространении имеет лишь лексема *žab-a*) и в малопольских (пп. 310, 315, в которых, кроме лексемы *žab-a*, ареально ограничена и лексема *las-ic-a* п. 310); в лужицких диалектах ситуация несколько сложнее вследствие их малочисленности на карте (всего 4 пункта) и общеславянской репрезентативности лексем (из 8 лексем здесь отмечено только 4, причем лишь в одном п. 236 – *las-ic-a*, // *ež-ъ*, *krýt-ъ*, *qs-en-ic-a*), в остальных – 3 или даже 2 (пп. 235, 237).

В южнославянских языках высокая степень концентрации архаизмов отмечается прежде всего в сербскохорватских говорах, причем локализуются они либо в виде компактных ареалов в штокавских говорах (где особенно выделяются славонские пп. 39, 41, 52), либо в виде довольно плотного пояса – чакавских (пп. 23–25, 34, 37, 147a) и кайкавских (пп. 26–31, 35) говоров: в штокавских реликтовых зонах (пп. 22, 39, 41, 51–53, 65, 74, 79, 152, 162) из 8 лексем встречаются, как правило, 6, реже 7 (пп. 52, 152) и 8 (п. 22): ареальные ограничения имеют лексемы *dęt-el-ъ*, *dět-yl-ъ* и *krýt-ъ*; в чакавских говорах из 8 также только две лексемы являются территориально ограниченными – *las-ic-a* и *dęt-el-ъ*, *dět-yl-ъ*; в кайкавских говорах из 8 представлены, как правило, 7, ареальные ограничения имеет лексема *žab-a*. Достаточно высокая степень архаизмов наблюдается и в македонских говорах (хотя из 8 рассматриваемых лексем здесь полностью отсутствуют лексемы *med-ъv-ěd-ъ* и *med-ъv-ěd-ic-a*, но из оставшихся шести 5 отмечены в центрально- (пп. 94, 97), северно- (п. 93) и восточномакедонских (п. 105) говорах, а 4 – практически во всех остальных, за исключением эгейских юго-восточных говоров (пп. 112, 113, 113a): ареальные ограничения имеет лексема *dęt-el-ъ*, *dět-yl-ъ*, в западно- и восточномакедонских говорах, а также в эгейских, кроме того, лексема *las-ic-a*. Несколько ниже концентрация архаизмов, локализующихся в виде маленьких островков, в словенских говорах: из рассматриваемых 8 лексем только 5 отмечены в горенских (п. 9), прекмурских (п. 21) и говорах Каринтии (п. 148): ареальные ограничения имеют лексемы *med-ъv-ěd-ic-a* и *žab-a*.

Если локализовать все эти островки на карте Общеславянского лингвистического атласа, то нетрудно увидеть, что они образуют своеобразный "пояс", который начинается в южной части севернорусских говоров и проходит широкой полосой через среднерусские, белорусские и северноукраинские говоры, далее прерывается в малопольских говорах (где отмечены лишь отдельные точечные ареалы), вновь расширяется в словацких, опять сужается в словенских и снова расширяется в чакавском приморье и прилегающих к нему областях, в штокавских славонских и зетских говорах, а также в македонских.

Совмещение на карте выделенных фонетических и лексических зон архаики позволило обнаружить различия в глубине и степени их архаичности: так, в частности, отчетливо выделились ареалы, в которых наблюдается как полное сохранение фонологической индивидуальности **ě*, так и большинства из рассматриваемых праславянских лексем:

1) это прежде всего юго-западные белорусские говоры (пп. 353–355, 364, 366, 375, 384–386, 389–391, 394) и отдельные южные пункты среднебелорусских (пп. 397, 400), которые демонстрируют наивысшую концентрацию архаизмов;

2) среднеполесские украинские говоры (пп. 411, 417, 418, 424, 437) и отдельные пункты в восточнополесских говорах (п. 439);

3) словенские прекмурские говоры (п. 21);

- 4) кайкавские (п. 27) и штокавские (славонские п. 52 и смедеревские п. 168) говоры;
- 5) македонские эгейские (юго-западные п. 106) говоры.

В общеславянском контексте все эти зоны архаики (за исключением македонской) трудно квалифицировать как периферийные, особенно ареал белорусского и украинского Полесья (где наблюдается наивысшая степень концентрации праславянской архаики), который можно рассматривать скорее как центральный, нежели как маргинальный (о центральном статусе полесского ареала свидетельствует и общетеоретическое положение лингвистической географии, согласно которому центральный ареал по размеру больше маргинального).

Расширение корпуса диагностических признаков фонетических архаизмов за счет привлечения пунктов, в которых фонологическая индивидуальность **ě* сохраняется лишь частично, не привело к каким-либо кардинальным изменениям в локализации этого ареала. Среди зон архаики, где представлено большинство из рассмотренных лексем и частично сохраняется фонологическая индивидуальность **ě*, появились следующие:

1) отдельные пункты в юго-западных белорусских говорах (пп. 336, 345), в западно-полесских (п. 382) и северо-восточных (п. 370);

2) западнополесские украинские говоры (пп. 401, 402, 404, 408) и отдельные пункты в восточнополесских (п. 443), юго-западные украинские говоры – посанские (пп. 412, 413), поднестровские (п. 420) и подольские (п. 498), отдельные пункты в юго-восточных среднеподнепровских говорах (п. 502);

3) севернорусские – вологодские (пп. 617, 618, 639, 646, 668) и костромские (пп. 667, 689, 691, 709) говоры, среднерусские – новгородские (пп. 609, 610, 636) и отдельные пункты в селигеро-торжковских (п. 716) говорах;

4) отдельные пункты в верхнелужицких переходных говорах (п. 236);

5) отдельные пункты в штокавских говорах – восточнобоснийских (п. 51), восточно-герцеговинских (п. 65) и зетских (п. 74).

Совмещение этих признаков повлекло за собой прежде всего расширение ареала полесских говоров, что еще больше усилило статус этой зоны как архаической (и доказало, что архаические ареалы обладают высокой степенью устойчивости), на русской территории выделился компактный ареал в севернорусских (вологодских и костромских) и среднерусских (новгородских) говорах, в сербскохорватских диалектах – островной ареал в штокавских говорах (пп. 51, 52). Все эти ареалы не являются окраинными на лингвистическом ландшафте Славии. К латеральным можно отнести лишь несколько пунктов – пп. 65, 74 (штокавские говоры), п. 236 (верхнелужицкие говоры), п. 336 (юго-западные белорусские говоры) и п. 498 (юго-западные украинские подольские говоры).

Такая дистрибуция зон архаики на современной карте Славии подтверждает справедливость слов Н.И. Толстого о том, что архаизмы часто не окраинны, в некоторых случаях они локализуются и в эпицентре Славии, перекликаясь с латеральными зонами. Поэтому при решении диахронических и этногенетических проблем целесообразнее оперировать условным понятием архаических и неархаических зон, нежели понятием центрально-периферийной противопоставленности. Маргинальный ареал следует, по-видимому, рассматривать не в оппозиции к центру, а в оппозиции к пространственной локализации картографируемых явлений. Думается, что наличие совпадений фонетических и лексических ареалов архаики делает оправданной разработку в славянской лингвистической географии проблемы локализации инноваций и архаизмов.

Ограниченный объем статьи позволил привести лишь отдельные факты, связанные с проблемой центрального и маргинального ареалов. Полученная ареальная картина дает богатый материал для размышлений об исторической глубине выявленных зон архаики. Однако эта серьезная научная проблема требует своей отдельной глубокой проработки. И чрезвычайно ценным источником для ее решения являются материалы Общеславянского лингвистического атласа. Публикация следующих томов Атласа

даст возможность провести каталогизацию и локализацию явлений славянской архаики, выстроить иерархию реликтовых зон, оценив их с точки зрения характера ареала, его исторической глубины и степени концентрации архаизмов. Введение в научный оборот этих сведений позволит взглянуть на ряд диахронических и этногенетических проблем сквозь призму новых лингвогеографических данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вендина Т.И.* 1996 – Ареалогический комментарий к Общеславянскому лингвистическому атласу. Сер. Лексико-словообразовательная. Вып. 1: Животный мир. М., 1988 // ОЛА. Материалы и исследования. М., 1996.
- ОЛА₁ 1988 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1: Рефлексы *ѣ. Белград, 1988.
- ОЛА₂ 1988 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1: Животный мир. М., 1988.
- Толстой Н.И.* 1977 – О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.